

Эдвард Вишнеwski
(Лодзь)

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И КАДЕТЫ
НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Главной осью, на которой вращалась мировая политика в начале XX в., был нарастающий антагонизм между Англией и Германией. Российская буржуазия держалась английской ориентации. Объясняется это, прежде всего, экономической зависимостью России от англофранцузского капитала. Царское правительство в своей иностранной политике не могло не считаться с интересами российской буржуазии.

Поражение России в войне против Японии не отдалило, а, напротив, ускорило образование Антанты. Англия не хотела допустить чрезмерного усиления Японии за счет России. Она хотела, чтобы Россия и Япония на Дальнем Востоке взаимно уравновешивали друг друга. По этим соображениям Англия вместе с США во время Портсмутской мирной конференции угрозой отказа от дальнейших субсидий заставила Японию смягчить свои первоначальные требования.

Царская дипломатия после русско-японской войны видела в союзе с Англией известную гарантию безопасности своих дальневосточных рубежей. В еще большей степени на путь сближения России с Англией толкала германская экспансия на Ближнем и Среднем Востоке, ставившая под удар интересы обеих стран. Все это расчистило почву для англо-русского соглашения 31.08.1907 г., которое привело к созданию Антанты.

На заседании Государственной думы 27 февраля 1908 г. все либеральные фракции приветствовали слова министра иностранных дел А. П. Извольского о его подписании соглашения между Россией и Англией. „Оппозиция, – заявил в этом заседании лидер Конституционно-демократической партии П. Н. Милюков, – может быть несогласна с представителями многих других ведомств [...] Но я должен сказать, что такого разногласия не имеется по отношению

к представителю нашего ведомства иностранных дел... Министр иностранных дел подчеркнул здесь и я с полным удовлетворением подчеркиваю это вслед за ним, что Россия больше не ищет повода к возобновлению боя, что Россия не руководится политикой реванша [по отношению к Японии – Э. В.]. Я с большим удовольствием также выслушал о той системе договоров, которая сблизит нас с Англией и окончательно устраняет опасения в значительной степени и прежде бывшие химерическими, относительно столкновения наших интересов в Тибете, Афганистане и Персии”¹.

Но между провозглашением „нового курса” во внешней политике и его осуществлением лежала дистанция значительного размера. Нельзя забывать о том, что в Антанте Россия была далеко неравноправным партнером. Поведение Англии и Франции во время Боснийского кризиса 1908 г. показало, что Россия не может рассчитывать на поддержку своих союзников в вопросе об открытии проливов для русского военного флота.

Вместе с тем инцидент Эренталь-Извольский обнаружил бессилие России отстоять свои интересы на международной арене². По воспоминаниям В. А. Сухомлинова, в марте 1909 г. на царскосельском совещании под председательством царя Николая II по поводу аннексии Боснии и Герцеговины, „на вопрос, готова ли наша армия к активным действиям, А. Ф. Редигер [военный министр – Э. В.] ответил отрицательно, а на вопрос в какой мере наши вооруженные силы способны к оборонительной войне, Редигер ответил: они совершенно неспособны”³.

Но правящие круги России были обеспокоены не столько фактом боевой неподготовленности России, сколько перспективой новой революции в случае неудачной войны. Страх перед внешними осложнениями вместе с правительством разделяли тогда и все либеральные партии, не исключая кадетов. „Нельзя идти с завязанными глазами, – говорил Милоков на заседании думской фракции кадетов 20.10.1908 г., – не считаясь с бессилием страны. Оппозицию обвиняют в желании затянуть Россию в войну, повторить 1905 г. Необходимо доказать, что это не так, что оппозиция против войны, которая неизбежно приведет Россию к краху”⁴. 22.02.1909 г. на совещании

¹ Государственная дума, Сзъез 3-й; Отенографические отчеты, Сессия 1-я, ч. 2, СПб 1908, стлб. 119, 120, 122.

² См. подробнее о соглашении Извольского с австрийским министром иностранных дел А. Эренталем в Бухлау: *Кризис самодержавия в России 1895–1917*, Ленинград 1984, с. 465.

³ В. А. Сухомлинов, *Воспоминания*, Берлин 1924, с. 175.

⁴ Государственный Архив Российской Федерации (далее: ГАРФ), ф. 523, оп. I, д. 2, л. 54.

у П. А. Столыпина представители думских фракций даже решили воздержаться от дебатов по иностранной политике в связи с военными кредитами. „Пока не наступит у нас внутренний мир, – откровенно говорил на заседании Государственной думы лидер Союза 17 октября А. И. Гучков, – до тех пор нам нельзя обсуждать вопросы внешней политики”⁵.

Яркий свет на настроения кадетских кругов проливает обсуждение на заседании Центрального комитета кадетов 1.03.1909 г. вопроса о тактике партии „в виду грядущих осложнений на Балканах”. Открывая прения, Милоков заявил, что „[...] к войне мы не готовы, и надо все делать для того, чтобы отклонить возможность войны”. Но, по мнению лидера кадетов, нельзя раскрывать своих карт и демонстрировать перед всем миром свой панический страх перед войной. Поэтому, – продолжал свою речь Милоков, к заявлению Гучкова в Думе, – „мы должны отнестись отрицательно, так как подобные заявления о собственном бессилии уменьшают наши шансы за границей [...] Нам нельзя стоять на той точке зрения, что Россия, что бы ни произошло, воевать не должна и не будет. Следовательно, и от нашей дипломатии мы вправе требовать, чтобы она держалась с большим достоинством [...] Извольский, если увидит, что над ним нет палки общественного мнения, окончательно предаст интересы Сербии”⁶.

Предложение Милокова в думских выступлениях взять ноту национальной гордости не было, однако одобрено его коллегами. По убеждению В. Д. Набокова, „как бы мы не старались казаться молодцами, нам никто не поверит”. Его поддержал И. В. Гессен, заявивший, что „нам ни в каком случае не следует бить в барабаны и демонстрировать свою силу”. Даже П. Б. Струве, который был одним из коноводов неославизма, признавал опасным бряцать оружием. „Случись война, – аргументировал он свою точку зрения, – избиение России было бы грандиозное, и невиданное в мире. Франция и Англия [...] не вмешались бы. Патриотического подъема нам просто не позволит полиция, так как Столыпин его не хочет. Поэтому в нашей партии теперь бесполезно поднимать шум по словянским делам”⁷.

Как видим, „миролюбием бессилия” страдали не только черносотенцы, но и либеральная оппозиция. Все они – и правые, и октябристы, и кадеты не хотели войны, так как боялись возрождения революции.

Но из факта дипломатического унижения, в связи с признанием Россией аннексии Австро-Венгрией Босни и Герцеговины, черносотенцы и кадеты сделали разные выводы.

⁵ „Речь” 1909, 25 февраля.

⁶ ГАРФ, ф. 523, оп. I, д. 30, л. 2, 5.

⁷ Там же, л. 11.

Черносотенцы воспользовались Боснийским кризисом для нападок на союзников и подчеркивания своих германофильских чувств. „Англии, – писал В. М. Пуришкевич, – нужна Россия, как тот кулак который должен во что бы то ни стало столкнуться с кулаком немецким во славу [...] английской гегемонии на море и сохранения за нею рынков мира”⁸.

В отличие от черносотенцев, кадеты из Эренталевского инцидента сделали вывод о необходимости более тесного сближения с союзниками. Во время Боснийского кризиса Милюков в газете „Речь” держался того, чтобы побудить Англию и Францию быть активнее и самим не выступать изолированно. Считая, что причиной русских неудач во внешней политике было отсутствие сговора с Англией и Францией, кадеты требовали от царской дипломатии впредь действовать сообща с союзниками. При всяком удобном и неудобном случае они подчеркивали огромное значение того тройственного соглашения, одним из членов которого стояла Россия. Так, выступая в Государственной думе 2.03.1910 г., Милюков говорил: „Я считаю политику нашего Министерства иностранных дел неудачной. При нашей внутренней слабости, казалось бы следовало опираться на ту силу, которую может дать нам наша система союзов и соглашений. Я утверждаю, что мы систематически оставляем эти ресурсы неиспользованными... Наша политика должна быть основана на совместных действиях с другими великими державами”⁹.

В целях укрепления англо-русского союза была использована поездка летом 1909 г. депутатов Государственной думы в Англию. В состав русской делегации вошли умеренно правые, октябристы, прогрессисты и кадеты. Торжественный обед в Лондоне у лорд-мера в честь русской делегации был использован кадетами для манифестации их монархической лояльности. Милюков в своей речи заявил, что „до тех пор пока существует законодательная палата представителей с правом контролировать бюджет, русская оппозиция останется оппозицией его величества, а не его величеству”¹⁰.

Заявление лидера кадетов об оппозиции в родительном, а не в дательном падеже было встречено с удовлетворением состоятельными классами в Западной Европе.

Открытие IV Государственной думы в 1912 г. совпало с началом первой Балканской войны. Русская дипломатия была восприимчивой Балканского союза. При этом хотела использовать национально-

⁸ „Земщина” 1909, 27 июня.

⁹ Государственная дума, Созыв 3-й, Стенографические отчеты, Сессия 3-я, ч. 2, СПб 1910, стлб. 2760–2790.

¹⁰ ГАРФ, ф. 523, оп. 1, д. 30, л. 33.

освободительное движение балканских народов для осуществления своих собственных целей – захвата Константинополя и проливов.

Для либеральных партий начало Балканской войны явилось сигналом к усилению панславистской кампании. Эта кампания должна была служить прикрытием захватнических планов на Ближнем Востоке. В октябре 1912 г. в Петербурге и Москве были организованы славянские комитеты. В состав этих комитетов вошли общественные деятели, от черносотенцев до кадетов включительно.

На одном из первых заседаний петербургского славянского комитета делегат Сербии Кошутин поставил вопрос, каково будет поведение России, если Австрия на предполагаемой в Лондоне конференции не согласится на сербские требования. На этот вопрос Милюков высказал свое личное мнение, сводящееся к тому, что если Россия захочет поддержать Сербию, она должна быть готова к войне. Милюков со своей стороны рекомендовал „крайнюю осторожность и сдержанность”.

На вопрос, какой же линии держаться, лидер кадетов ответил, что надо искать почву для воздействия на Австрию и Германию, но делать это не одним, „а вместе с наладившейся европейской машиной тройственного соглашения”¹¹. Из слов Милюкова видно, что он вовсе не был противником агрессивной политики России на Балканах. Он только предостерегал царскую дипломатию от изолированных шагов, требуя от нее действовать сообща с союзниками. Если же вспомнить, что Англия и Франция в это время сами провоцировали Россию на войну против Австрии и Германии, то станет очевидным, что „миролюбивая” – на первый взгляд – позиция не устраняла, а напротив, только усиливала угрозу войны.

„Миролюбивая” позиция руководителя кадетов, впрочем, подвергалась критике даже в рядах его собственной партии. Когда на заседании Центрального комитета партии народной свободы 12 октября 1912 г. Милюков поставил вопрос о выходе кадетов из славянских комитетов вследствие „довольно темного состава участников”, то это предложение не встретило сочувствия. Возражая Милюкову, правый кадет Д. Д. Протопопов заявил, что в виду надвигающейся войны, „надо забыть партийные окраски и перестать бояться сидеть рядом с „темными людьми”¹². А. В. Тыркова призналась, что „некоторые статьи „Нового времени” она читает с большим удовлетворением, чем „Речь”. Инициатива общественного сочувствия, к сожалению, упущена партией к.-д., остается войти хоть в чужую организацию”¹³. Ярко

¹¹ Там же, л. 221–222.

¹² Там же, л. 224.

¹³ Там же, л. 229.

националистическую речь произнес на этом заседании П. Б. Струве. Его прельщала мысль сыграть на славянских симпатиях русских народных масс, чтобы начать „популярную войну”¹⁴.

Во время обсуждения правительственной декларации в Государственной думе в декабре 1912 г. не только националисты, но и кадеты заняли воинственную позицию. Они не скрывали своего разочарования по поводу „примирительных” слов В. Н. Коковцева о внешней политике. Последний заявил, что он не видит пользы „противопологать одни группировки держав другими” и призывал сообразовывать внешнюю политику с „бюджетным равновесием”. Выражая недовольство уклончивым тоном правительственной декларации, В. А. Маклаков говорил: „[...] в этот критический момент, когда перевертывается та страница всемирной истории, с которой тесно связано не только ее национальное достоинство, но и ее жизненные интересы, мы не можем сказать, что Россия на высоте положения, что она говорит тем языком, который достоин ее”. По мнению Маклакова, власть должна была бы сказать, что „если она не ищет осложнений, то также их не боится”¹⁵.

Балканские союзники одерживали над Турцией одну победу за другой. Как только в Петербурге было получено сообщение о падении 13.03.1913 г. Адрианополя, в Государственной думе произошла манифестация в честь славян. По вопросу об отношении к славянским манифестациям в кадетской партии обнаружили два течения. Правое крыло партии, органами которого были „Русская молва” и „Биржевые ведомости” (Маклаков, Протопопов, Н. А. Гредескул и другие) вело кампанию в духе „гром победы раздавайся”. Правые кадеты резко нападали на Министерство иностранных дел за его уступчивость Австрии. Другое течение во главе с Милюковым, напротив, защищало линию официальной дипломатии. Милюков не верил в успех „обработки” народных масс. Он опасался, что открытый переход кадетской партии в лагерь панславистов окончательно подорвет доверие к кадетам в демократических массах.

На заседании Центрального комитета конституционно-демократической партии в марте 1913 г. М. М. Винавер выражал удивление, что среди думской фракции кадетов находятся люди, идущие за гр. В. А. Бобринским и „Новым временем”. М. А. Караулов заявил, что „поднимает перчатку, брошенную Винавером, и поражается, как русская политическая партия народной свободы в лице петербургских вождей,

¹⁴ Там же, л. 220.

¹⁵ Государственная дума, Созыв 4-й, Стенографические отчеты, Сессия 1-я, ч. 1, СПб 1913, стлб. 328.

боится пробуждения национального чувства". Гредескул предложил резолюцию: выразить сожаление, что редакция газеты „Речь” в своих статьях и думская фракция кадетов поддерживают неправильную политику русской дипломатии¹⁶. Атака правых кадетов на партийное руководство не осталась безрезультатной. „Речь” вынуждена была в своих статьях по внешнеполитическим вопросам взять более агрессивную ноту.

Под давлением русской дипломатии Сербия отказалась от выхода к Адриатическому морю. Вместе с тем терпели крушение и надежды югославов на воссоединение Сербии с Босней и Герцеговиной. Тогда взоры Сербии невольно обратились к югу, в долину Вардара, к Салоникам и Эгейскому морю. Македония превратилась в яблоко раздора между Сербией, Болгарией и Грецией. Русская дипломатия не сумела превратить распад Балканского союза и это явилось крупным дипломатическим успехом австро-германского блока.

29.06.1913 г. началась вторая балканская война. Подстрекаемая Германией Турция воспользовалась войной между прежними союзниками и захватила Адрианополь. Дипломатические представления русского правительства не имели успеха.

Под впечатлением нового дипломатического унижения России даже кадетская „Речь” забыла о своей „сдержанности” и стала упрекать Министерство иностранных дел за излишнее „миролюбие” и нерешительность. По поводу заявления министра иностранных дел С. Д. Сазонова о том, что если в Европе не будет достигнуто единодушие в вопросе об изгнании турок из Адрианополя и Фракии, то Россия одна не выступит во избежание международных осложнений. „Речь” в передовой статье 2 августа писала: „Европа будет коварно молчать; Россия не двинется, и чаша сия минует наших благодушных дипломатов и боящихся собственной тени руководителей нашей политики”¹⁷.

В январе 1914 г. последовала отставка председателя Совета министров В. Н. Коковцева. Замена его И. Л. Горемыкиным знаменовала собой усиление реакционных и националистических тенденций внутри правительства. Однако перспектива усиления внутренней реакции не поколебала готовности думских фракций, в том числе, оппозиционных, вотировать новые кредиты. Военно-морская комиссия Государственной думы единодушно высказалась за военные ассигновки.

Вопрос об отношении фракции кадетов к военным ассигновкам обсуждался на соединенном заседании Центрального комитета и думской

¹⁶ ГАРФ, ф. 102, оп. 1, д. 27, 1913, л. 27.

¹⁷ „Речь” 1913, 2 августа.

фракции кадетов 22 и 23.03.1914 г. На этих заседаниях левые кадеты требовали обусловить вотирование военных кредитов согласием правительства изменить курс своей политики. Правые кадеты, наоборот, настаивали на безоговорочном голосовании военных кредитов¹⁸.

На заседании Центрального комитета кадетской партии 23.04.1914 г. Милюков на вопрос, как отнестись к требованию усиленного контингента, ответил, что „надо ставить так: дадим лишь тогда, когда пойдете на необходимые для всей страны уступки“¹⁹.

Мощный подъем рабочего движения в 1914 г. вместе с безуспешностью всех попыток патриотического воздействия на народные массы произвел отрезвляющее впечатление на кадетов. Многие из них, считавшие раньше, что война за освобождение „братьев-славян“ поднимает престиж царского правительства в стране, усомнились в правильности этой точки зрения. Выступая на заседании Государственной думы 10.05.1914 г. по поводу сообщения Сазонова о внешней политике, Милюков предостерегал от брацания оружием. „Г. г., положение серьезно – развивал он свою мысль – и мы вступаем на тот же путь [...] Но дух несдержанности, дух авантюры нас охватывает в большом и целом. И вот тут-то я высказываю опасение, как бы и последнее ведомство, оставшееся европейским, не оказалось также побежденным, как другие, и не потеряло возможности во время остановить то гибельное движение, ведущее нас, быть может, к новой катастрофе“²⁰.

Кредиты на выполнение „большой программы“ вооружений были спешно обсуждены и приняты на закрытом заседании Государственной думы 10.05.1914 г. Это „партиотическое“ постановление Думы вызвало со стороны Николая II, не жаловавшего вообще Думу своим вниманием, изъявление „искреннего удовольствия“²¹.

Против военных кредитов голосовали вместе с левыми фракциями также и кадеты. Официально они мотивировали свою позицию тем, что „кредиты запоздали, они несвоевременны, ибо Германия кончает свою программу, а мы начинаем“²². В действительности же отрицательный вотум кадетской партии объясняется тем, что под влиянием необычайно сильного подъема рабочего движения она устранилась надвигающейся войны, хотя своей пропагандой и угодничеством перед союзниками кадеты сами содействовали ее приближению.

¹⁸ ГАРФ, ф. 523, оп. I, д. 32, л. 15–19.

¹⁹ Там же, л. 173.

²⁰ Государственная дума, Созыв 4-й, Стен. отчеты, Сессия 2-я, стлб. 377–378.

²¹ Там же, стлб. 923.

²² Показания А. И. Шингарева в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, „Падение царского режима“, т. 7, Ленинград 1927, с. 30.

После сараевских выстрелов кадеты искали выхода, который дал бы возможность России избежать войны. По поводу внешнеполитической активности русского правительства „Речь” 21.06. с тревогой писала: „Если судить по нашим вооружениям и официальным статьям „Биржевки”, то нам, пожалуй, надо больше готовиться к проявлениям ее излишней энергии, чем к протестам против ее бездеятельности, – по отношению именно к Австро-Венгрии”²³. Газета призывала правительство к благоразумию, сдержанности и умеренности в вопросах внешней политики. При этом орган кадетов не скрывал тревоги партии за будущее России в связи с надвигавшейся войной, когда страна переживала новый революционный подъем. Именно страх перед революцией заставил кадетскую партию сдерживать русскую буржуазию. Но было уже поздно. Кадеты с их запоздалым миролюбием подытоживали результаты своей собственной политики, которая заключалась в том, чтобы действовать сообща с западными союзниками. Но эта политика только ускоряла военную развязку, ибо англо-французские руководители в 1914 г. сами взяли курс на войну с Германией, не считаясь с тем, что Россия не была готова к войне ни в военном, ни в морально-политическом отношениях.

Edward Wiśniewski

POLITYKA ZAGRANICZNA ROSJI A KADECI PRZED I WOJNĄ ŚWIATOWĄ

Na początku XX w. głównym problemem, który decydował o światowej polityce, był narastający między mocarstwami konflikt, szczególnie pomiędzy Anglią i Niemcami. Te ostatnie zbyt późno przystąpiły do walki o podział świata i uzyskane kolonie ich nie zadowalały. Przygotowując się do przyszłych rozgrywek państwa europejskie podzieliły się na dwa bloki. Po nieudanej wojnie z Japnią doszło do zbliżenia Rosji z Anglią, co w rezultacie doprowadziło do powstania tzw. trójporozumienia. Partie rosyjskich liberalów popierały carską politykę zagraniczną.

Początek wojen bałkańskich w 1912 r. partia konstytucyjno-demokratyczna powitała z zadowoleniem i była jednym z liderów organizujących powstanie komitetów słowiańskich w Rosji. Dopiero na początku 1914 r., kiedy wojna między mocarstwami zbliżała się nieuchronnie, a Rosja była wstrząsana konfliktami wewnętrznymi związanymi z wystąpieniami robotniczymi i chłopskimi, nastąpiło otrzeźwienie wśród kadetów. Zaczęli oni występować przeciwko polityce zagranicznej Mikołaja II prowadzącej do zbrojnych rozstrzygnięć. Obawiali się, że wybuch wojny i rosyjskie klęski w niej mogą doprowadzić do kolejnej rewolucji. Z tej przyczyny partia kadetów w czerwcu 1914 r. głosowała w IV Dumie Państwowej przeciwko uchwaleniu nowych kredytów dla armii. Natomiast po strzałach w Sarajewie kadeci usilnie poszukiwali pokojowego uregulowania konfliktu. Niestety, te działania były już spóźnione.

²³ „Речь” 1914, 21 июня.